

ОГОНЁК

№ 4 ЯНВАРЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В НОМЕРЕ:

100 ЛЕТ со дня рождения
Антон Павловича ЧЕХОВА

ВСТРЕЧИ с Чеховым

А. ХОТЯИНЦЕВА

Конец декабря 1897 года.
Моросит теплый дождь. Море, пальмы, запахи желтофиолей...

— Ницца!

Улица Гуно, Русский пансион, веселый голос Антона Павловича:

— Здравствуйте! Хорошо, что вы приехали, за обедом здесь цесарку подают! Завтра в Монте-Карло поедем, на рулетку! (Я приехала из Парижа, в письме Антон Павлович обещал приготовить мне комнату.)

— Комнаты в большом доме все заняты, вам дают в dépendance — маленьком флигеле во дворе. Здесь живет человек сорок русских, никто из них никогда не слышал обо мне, никто не знает, кто я! Впрочем, одна дама смутно подозревает, что я пишу в газетах.

Через несколько дней, однако, появились какие-то молодые супруги из Киева, очевидно, знавшие, кто такой Чехов.

Комната их была рядом с комнатой Антона Павловича, и через тонкую стенку было слышно довольно ясно, как они по очереди читали друг другу рассказы Чехова. Это забавляло Антона Павловича. Иногда сразу нельзя было догадаться, какой именно рассказ читается, тогда автор прикладывал ухо к стене и слушал.

— А... «Свадьба»!.. Нет, нет... Да, «Свадьба»! Я нарисовала на это карикатуру и пугала, что он простудит ухо.

Публика в пансионе была, в общем, малоинтересная. За табльдотом рядом с Чеховым сидела пожилая сердитая дама, вдова известного педагога Константина Дмитриевича Ушинского. Про нее Антон Павлович говорил:

— Заметили вы, как она особенно сердится, когда мне подают блюдо и я накладываю себе на тарелку? Ей всегда кажется, что я беру именно ее кусок...

Напротив сидела старая толстая купчиха из Москвы, прозванная Антоном Павловичем «Трущобой». Она была постоянно недовольна всем и всеми, никуда не ходила, только сидела в саду, на солнышке. Ее привезли в Ниццу знакомые и здесь оставили. Ни на одном языке, кроме русского, она не говорила, очень скучала, мечтала о возвращении домой, но одна ехать не решалась.

Чехов пожалел ее и вскоре — надо было видеть ее радость! — объявил ей:

— Собирайтесь, едут мои знакомые, они доставят вас до самой Москвы!

В виде благодарности «Трущоба» должна была отвезти кому-то в подарок от Антона Павловича две палки. Вообще всем возвращающимся в Россию давались поручения. Антон Павлович очень любил делать подарки, предметы посылались иногда самые неожиданные, например, штопор...

Рядом с «Трущобой» сидели и, не умолкая, болтали две баронессы, мать и дочь, худые, высокие, с длинными носами, модно, но безвкусно одетые. Клички давать не пришлось, ярлычок был уже приклеен! Но как-то раз дочка явилась с большим черепаховым гробом, воткнутом в высокую прическу; гроб был похож на рыбий хвост. С тех пор молодая баронесса стала называться «Рыба хвостом вверх». В моих карикатурах начался «роман»: Чехов ухаживает за «Рыбой». Старая баронес-

са препяствует: он беден; она заметила, что в рулетку он всегда проигрывает. Чехов в вагоне, возвращается из Монте-Карло с большим мешком золота, с оружием — штопором — в руке, охраняет свое сокровище, а баронессы сидят напротив и умильно на него смотрят. Чехов в красном галстуке — у него было пристрастие к этому цвету — делает предложение. Встреча в Мелихове: родители, сестра, домочадцы и собаки... Чехов тащит на плече пальму.

— Хорошо бы такую в Мелихове посадить! — говорил он, любясь какой-нибудь особенно высокой пальмой.

Свадьба, corteж знакомых... Молодые уезжают на собственной яхте.

Антону Павловичу нравились мои рисунки, он шутил:

— Вы скоро будете большие деньги зарабатывать, как мой брат Николай! Всегда будете на извозчиках ездить!

От других лиц остались в памяти только прозвища: «Дама, которая думает, что она еще может нравиться», «Дорогая кукла». Прозвища устанавливались твердо. Если я спрашивала: «Пойдем сегодня к «Кукле»?», — Антон Павлович непременно поправлял: «К «Дорогой кукле». Эта дама была женой какого-то губернатора. Она была больна, лежала в постели всегда в очень нарядных белых кофточках, отделанных кружевами и яркими бантиками, каждый раз другого цвета. Она скучала и очень просила придти к ней по вечерам. Чехова читала.

По утрам Антон Павлович гулял на Английском бульваре и, греясь на солнце, читал французские газеты. В то время они были очень интересны: шло дело Дрейфуса, о котором Чехов не мог говорить без волнения¹.

Поутру же неизменно перед домом появлялись, по выражению Антона Павловича, «сборщики податей» — певцы, музыканты со скрипкой, мандолиной, гитарой. Антон Павлович любил их слушать, и «подать» всегда была приготовлена.

Однажды пришла совсем незнакомая девочка-подросток и так серьезно и энергично требовала, чтобы Чехов позировал ей для фотографии, что ему пришлось согласиться и быть «жертвой славы»! На другой день был прислан большой букет цветов, вероятно, от нее, но фотографии не было.

Писем Антон Павлович получал много и сам писал их много, но уверял, что не любит писать писем.

— Некогда, видите, какой большой писательский бугор у меня на пальце? Кончаю один рассказ, сейчас же надо писать следующий... Трудно только заглавие придумать, и первые строки тоже трудно, а потом все само пишется... и зачем заглавие? Просто бы № 1, 2 и т. д.

Однажды, взглянув на адрес, написанный мной на конверте, он накинулся на меня:

¹ Чехов писал Хотяинцевой о деле Дрейфуса в феврале 1898 года: «Вы спрашиваете меня, все ли я еще думаю, что Золя прав. А я Вас спрашиваю: неужели Вы обо мне такого дурного мнения, что могли усомниться, хоть на минуту, что я не на стороне Золя?»

Александра Александровна Хотяинцева (1865—1942) — художница, внучка декабриста Ивана Николаевича Хотяинцева (1785—1863), избежавшего сибирской ссылки благодаря тому, что близкий друг его Пестель успел перед арестом уничтожить компрометирующие документы. А. Хотяинцева сообщила, что у нее хранился альбом ее деда-декабриста, в котором находились стихи, очень нравившиеся Антону Павловичу:

Мило с милой веселиться,
Мило с милой слезы лить,
Мило сердцем с ней делиться,
Мило милой милым быть.

А. Хотяинцева училась в Училище живописи, ваяния и зодчества, где получила медаль. Занималась у Репина в Академии художеств, училась в парижских студиях и учредила в Москве «Художественную мастерскую», где преподавали В. Серов, Н. Корвин, Н. Ульянов. Участвовала в московских и петербургских выставках. В чеховском доме в Ялте имеется ее картина «Вишневый сад» и анимированная автомариатура.

Известно тринадцать писем Чехова и А. А. Хотяинцевой. В архиве Чехова писем Хотяинцевой не сохранилось. Автограф мемуаров находится в моем собрании.

Хотяинцева была не только талантливой художницей. Ее воспоминания, пересыпанные шутками, которыми она обменивалась с Чеховым, живо воспроизводят атмосферу непринужденности и жизнерадостности, столь характерную для Чехова.

П. С. ПОПОВ

— Вам не стыдно так неразборчиво писать адрес? Ведь вы затрудняете работу почтальона!

Я устыдилась и запомнила.

Даже в таких мелочах проявлялась та действительная и неустанная любовь к людям, которая так поражает и трогает в Чехове. И как его возмущали обывательская некультурность и отсутствие любознательности!

Рассказывал... Люди обеспеченные, могут жить хорошо. В парадных комнатах все отлично, в детской грязновато, в кухне — тараканы! А спросите их, есть ли у них в доме Пушкин? Конечно, не окажется.

Между завтраком и обедом публика пансиона ездил в Монте-Карло, разговоры за столом обыкновенно касались этого развлечения. Ездил и Чехов и находил, что там очень много интересного. Один раз он видел, как про-

Чехов в Третьяковской галерее перед своим портретом, написанным И. Вразом. Шарж-акварель А. Хотяинцевой. 1898. Дом-музей А. П. Чехова, Москва.

Прогулка на извозчике в Ницце. В коляске на переднем сиденье Чехов, напротив него — М. Ковалевский и А. Хотяинцева. Шарж-акварель А. Хотяинцевой. 1897. Дом-музей А. П. Чехова, Москва.

Этот портрет делала когда-то
Хотяинцева.

Силуэт Чехова, сделанный А. Хотяинцевой.
Надпись Чехова: «Этот портрет делала когда-то
Хотяинцева». Виблотека СССР имени
В. И. Ленина.

игравшийся англичанин, сидя за игорным столом с очень равнодушным лицом, изорвал в клочки свое портмоне, смал и скрутил металлический ободок и потом только, очень спокойно, пошел.

По вечерам очень часто приходил приятель Антона Павловича, доктор Вальтер, и мы втроем пили чай в комнате Чехова; в пансионе чай вечером не полагался, но мы по русской привычке не обходились без него. Вспоминали и говорили о России. Антон Павлович очень любил зиму, снег и скучал о них, как «сибирская лайка».

Впоследствии, когда ему пришлось устраивать свой сад в Ялте, где много вечнозеленых растений, он насадил деревья с опадающей листвой, чтобы «чувствовать весну». Он очень любил цветы. В Мелихове он разводил розы, гордился ими. Гостям-дачникам из соседнего имения (Васькина) он сам нарезал букеты. Но срезал «спелые» цветы, те, которые нужно было срезать по правилам садоводства, и «чеховские» розы иногда начинали осыпаться дордой, к большому огорчению дачниц, особенно одной, поклонницы Чехова, которую Антон Павлович прозвал «Аделаидой». Звали ее совсем иначе.

— Она похожа на Аделаиду, — говорил он.

Тут же около роз находился огород с любимыми «красненькими» (помидоры) и «синенькими» (баклажаны), и другими овощами.

Раз я рисовала флигелек Антона Павловича с красным флажком на крыше, означавшим, что хозяин дома и соседи-крестьяне могут приходиться за советом. Хозяин, разговаривая со мной, прохаживался по дорожке за моей спиной, и неизменные его спутники — таксы «Царский вагон», или Бром, и «Рыжая корова», или Хина, — сопровождали его. Кончаю рисовать, поднимаюсь, стоять не могу! Моя туфля-лодочка держалась только на носке, а в пятку Антон Павлович успел всунуть луковицу! Трудно было даже предположить, что Чехов тяжело болен, так он был весел и жизнерадостен.

— И я и Левитан не ценили жизни, пока были совершенно здоровы, теперь только, когда мы оба серьезно заболели, мы поняли ее прелесть!

В то время, когда я была в Мелихове, Антон Павлович собирал для издания все свои рассказы, напечатанные в юмористических журналах. Его брат разбирал эти старые журналы и вслух читал рассказы. Чехов заливался смехом:

— Это мой рассказ? Совсем не помню! А смешно...

В ходу были всякие домашние словечки, забавные прибаутки. Антон Павлович поддразнивал меня и, если я попадалась, утешал:

— Говорить глупости — привилегия умных людей!

Себя называл Потемкиным:

— Когда я еду мимо церкви, всегда звонят, так было с Потемкиным.

Я усомнилась.

Дня через два, рано утром, мы поехали на станцию. Проезжаем через село, равняемся с церковью — зазвонили колокола.

— Слышите?! Что я вам говорил? — И тут же спросил — неожиданные вопросы были ему свойственны:

— А вы играли в моем «Медведе»? Нет! Очень приятно, а то почти каждая барышня начинает свое знакомство со мной: «А я играла вашего «Медведя»!»

Кроме Мелихова, общие воспоминания у нас были и о Богимове, где Чеховы провели лето и куда я попала через несколько лет после них. В гостиной с колоннами все так же еще стоял большой старинный диван карельской березы, на спинке его было написано братом Антоном Павловичем такое стихотворение:

На этом просторном диване,
От тяжких трудов опочив,
Валялся здесь Чехов в нирване,
Десяток листов исстрочив.
Здесь сил набирался писатель,
Мотивы и темы искал.
О, как же ты счастлив, читатель,
Что этот диван увидал!

В соседнем имении вокруг сада шла, совсем необычно, аллея из елок. Отсюда она попала в «Дом с мезонином».

* * *

Так в воспоминаниях о России проходило вечернее чаепитие у Антона Павловича в Ницце. Он норовил его затянуть, но доктор Вальтер не позволял ему поздно ложиться спать.

Приблизительно около десяти часов где-то по соседству кричал осел, и каждый раз, несмотря на то, что мы знали об этом, так громко и неожиданно, что Антон Павлович начинал смеяться. Ослиный крик стал считаться сигналом к окончанию нашей вечерней беседы. Доктор Вальтер и я желали Антону Павловичу покойной ночи и уходили. Помню одно исключение: встречу Нового 98 года — ровно в полночь.

Весной 98 года Антон Павлович приехал в Париж. Максим Максимович Ковалевский и я встретили его на вокзале. Приехал бодрый и веселый. Нашу небольшую компанию русских художниц раскритиковал:

— Живете, как на Ваганькове! Скучно, нельзя же все только работать, надо развлекаться, ходить по театрам. Непременно посмотрите в Фоли-Бержер новую пьесу, очень смешная, «Новая игра». — И несколько позже спросил: — Послушались, посмотрели смешную пьесу?

Чехов говорил, что «Кармен» — самая любимая его опера. Цирк он тоже очень любил. Осенью 98 года, перед отъездом из Москвы, он пригласил меня пойти в цирк с ним и Алексеем Сергеевичем Сувориным.

В цирке я скоро устала и захотела уйти одна, но мои спутники решили тоже уйти. Была чудесная звездная ночь, после жары и духоты в цирке дышалось легко. Я выразила свое удовольствие по этому поводу, и Антон Павлович сказал:

— Так легко, наверно, дышится человеку, который выходит из консистории, где он только что развелся!